

ВИКТОР ЕРИН

2084*

18+

Виктор Петрович Ерин

2084*

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062874

SelfPub; 2019

Аннотация

Беспредельная толерантность и политические авантюры ломают людские судьбы, лишают будущего народы, перекраивают карту мира. В США «шестицветная» революция поставила вне закона «разнополую» любовь. Драматическая судьба героев книги сплела в тугой узел любовь и предательство, лицемерие и жестокость новой «морали». Они вынуждены бороться за право иметь семью, жить с собственным ребенком. Напряженный детективный сюжет подчеркивает остроту и бескомпромиссность этого противостояния.

О том, что было и чего не было,
о том, что будет и чего быть не должно.

Все, что мы считаем прочным, сильным,
прекрасно построенным, –
Всего лишь образы.

Уолт Уитмен, «Листья травы»

1

Тюрьму «Флоренс» открыли в 1994 году неподалеку от городка с таким же поэтическим названием в штате Колорадо. Ее строительство жители округа Фремонт, где уже было девять исправительных учреждений, поддержали и даже вложили в него 160 тысяч долларов. Большая тюрьма дала без малого тысячу рабочих мест. «Флоренс» стала первой американской тюрьмой типа супермакс, где заключенные полностью изолированы не только от остального мира, но и друг от друга. Здесь содержали неисправимых – самых жестоких убийц, террористов, главарей мафии и прочих особо опасных преступников. Некоторые совершили убийства осужденных или охранников, уже отбывая наказание в других тюрьмах. «Флоренс» видела немало знаменитых преступников. Приговоры на десятки лет или несколько пожизненных сроков были здесь обычным делом.

Во «Флоренс» заключенный все время находится в расположенной ниже уровня земли камере одиночке размером меньше восьми квадратных метров со стальной дверью, покидая ее лишь на час в сутки. Специально подготовленная охрана держит его под постоянным наблюдением. Свидания и связь с внешним миром предельно ограничены, если вовсе не запрещены приговором.

Серые стены, серый пол, серый потолок. В бетонном блоке все серого цвета. Оконная щель, в которую можно видеть лишь узкую полоску неба, под ней телеэкран. Пульт не положен. В установленное время можно выбрать голосом один из трех каналов: новости, фильмы, природа. Отфильтрованная информация, бесконечные сериалы и фильмы о природе щедро сдобрены рекламой, способной лишь раздражать надолго лишенного свободы зрителя. Но хоть что-то с воли. В углу экрана часы с календарем, напоминающие, что время еще не остановилось окончательно.

Меню без выбора. Еда подается трижды в день на появляющемся из стены столике, туда же исчезает пустая посуда. В камере не должно оставаться ни одного лишнего предмета. Санузел в углу управляется со стенного пульта. На кровати из литого бетона можно валяться сколько угодно. Рядом литой столик с таким же монолитным стулом.

Раз в день короткая прогулка в маленьком дворике с прямоугольником неба вверху – почти всегда голубым, иногда таким же, как все здесь, серым. Три раза в неделю – занятия

в комнате с тренажерами, один раз – купание в крохотном бассейне. Посторонних нигде не встретишь, никого не видно и не слышно. Охрана тоже почти невидима. В первые годы после открытия, когда в камерах не было ни телевизоров, ни даже радио, нескончаемая тишина сводила узников с ума.

Когда после завтрака на экране появилось «В 12.00 – к начальнику блока», Алекс посчитал это хорошим знаком. И не ошибся.

Ровно в полдень его привели в кабинет, такой же серый, как все вокруг. Форма офицера, включая рубашку и галстук, тоже серая. «Продумано до деталей», – мелькнула и тут же улетела мысль, вытесненная вопросом «Неужели решилось?»

– Заключение блока особого содержания Кронин, – представился Алекс по форме.

– Садитесь, мистер Кронин. Вы подавали прошение о досрочном освобождении. Оно рассмотрено и удовлетворено. Решение вступает в силу 8 июля.

– Спасибо, сэр.

– Текст решения и его условия вы получите для ознакомления и подписания.

– Да, сэр.

– Мистер Кронин, если у вас есть претензии по исполнению наказания к администрации или персоналу блока, можете заявить о них в устной или письменной форме.

– Нет, сэр. Претензий не имею.

Официальная часть на этом, очевидно, была закончена, но офицер продолжал смотреть на Алекса с интересом.

– Мистер Кронин, я хотел бы задать вам вопрос, если не возражаете.

– Слушаю, сэр.

– Кронин – фамилия ирландская, у вас есть там родственники?

– Нет, сэр. Насколько знаю, у моих предков не было ирландских корней. Это совпадение. Мне известен писатель с такой фамилией – Арчибальд Кронин. Жил он в прошлом веке в Шотландии. Могу предположить, что его семья была из Ирландии.

– Скорее всего. Я и сам из Ирландии, служу здесь по контракту. У нас я не раз встречал эту фамилию. В средней части острова, недалеко от моих родных мест, даже есть городок, который называется Кронин. Хотя ваша фамилия, конечно, может быть простым совпадением.

– Если позволите, сэр. Я давно заметил ваш акцент. Ирландская манера произносить слова одновременно и мягче, и четче всегда мне импонировала. Ваши подчиненные, наверное, тоже из Ирландии? Они не многословны, но и пары слов иногда хватает, чтобы заметить акцент.

– Вы очень наблюдательны, мистер Кронин. Здесь работают несколько моих земляков. У нас хорошее место найти трудно, а в Штатах платят прилично. Хотя и долларами, но это не так уж важно. Условия во «Флоренс» строже, зато зар-

плата выше, чем в других тюрьмах. Нам повезло, что самих американцев такая работа не привлекает.

– Вам виднее, сэр. После двенадцати лет в спецблоке без вестей с воли, я смутно представляю, что там происходит. Экран с сериалами и рекламой помогает составить какое-то представление, но не более. Формулировка «полная изоляция» из моего приговора исполняется в полной мере.

Алекс, давно не имевший собеседника, готов был продолжать разговор, хотя главная новость не выходила из головы: «Условное освобождение. Какие там условия?! На все согласен. Неужели скоро? Как раз перед днем рождения...»

– Да, мистер Кронин, думаю, вас ожидает немало сюрпризов. Можете идти. Встретимся накануне освобождения.

Алекс вышел из кабинета и в сопровождении охранника вернулся в камеру. На столике лежал листок. Улегшись поудобнее, стал читать.

Его прошение удовлетворено с учетом хорошего поведения в месте лишения свободы. Режим досрочного освобождения обязывает выполнять ряд условий. Под надзором полиции он будет находиться в течение года. К месту проживания следует прибыть до истечения десяти дней со дня освобождения из-под стражи. Три года, оставшиеся до конца установленного приговором срока, он не может покидать Соединенные Штаты, давать интервью, выступать публично, выходить в глобальную сеть.

Было еще что-то вроде «не посещать места, где ведут-

ся азартные игры, продаются наркотики, избегать общения с людьми сомнительной репутации...» Ерунда какая-то, оставшаяся с незапамятных времен.

Сегодня – понедельник 3 июля. Освобождение в субботу, осталось четыре дня. Надо определить, что делать в первую очередь. Сосредоточиться не получалось. В голове одно – все-таки свершилось... С шестой попытки.

За эти годы Алекс не раз представлял свое освобождение, хотя порой думал, что его вообще никогда не будет. Арест и приговор оказались неожиданными. Теперь-то ясно, что исключать это было наивным. Но задним умом все сильны. Во «Флоренс» времени на раздумья о том, что произошло в 2072 году, было в избытке.

Он никогда не интересовался политикой, считал, что развитие общества должны определять прогресс и здравый смысл. Наивно? Пожалуй. Но не он один был такой. Мало кто мог предположить, как далеко заведет страну простое и вполне демократичное постановление Верховного суда США, который решением от 26 июня 2015 года обязал все штаты регистрировать однополые браки и признавать такие браки, заключенные в других странах. Многие этого решения вообще не заметили. А те, кто заметил, не придали ему значения. Чего особенного? В конце концов, они, эти сексуальные меньшинства, тоже люди, хоть и не совсем такие, как все. Просто Америка в очередной раз продемонстрировала миру, что она самая свободная страна, где приверженность

демократии превыше всего. Кто мог тогда подумать, что событие это историческое, и мир увидит через пару десятилетий совсем другую Америку?

В свое время США преуспели в организации «цветных революций» далеко за своими пределами, до деталей проработали разные сценарии, а у себя дома ничего такой революции противопоставить не смогли. Значит, толковые были сценаристы, а сценарии хорошего качества. Интересно, где они теперь, над чем работают?

Самая толерантная в мире страна скоро стала землей обетованной для миллионов особого рода переселенцев, чья сексуальная ориентация не так давно и здесь считалась отклонением от нормы. Пределы толерантности в столь деликатной сфере были везде свои. Они зависели от сложившихся представлений и традиций, от поведения, организованности и активности этих самых меньшинств, которых для простоты стали называть ЛГБТ, то есть лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры.

Где-то гомосексуалы и странные существа неопределенного пола считались извращенцами, были изгоями, где-то к ним относились терпимо и даже с пониманием. В Америке на гребне неудержимой тяги к толерантности и прогрессу их вынесло на самый верх. Штаты ни в чем не хотели уступать пальму первенства и ушли в отрыв. Поначалу малозаметными ручейками, а потом широким потоком хлынули в США специфические переселенцы со всего света на радость мест-

ным единомышленникам.

Бывшие меньшинства разрастались, организовывались, крепили. Сплоченное в многолетней борьбе за свои права сообщество ощутило здесь свою полноценность. Изначально оно было настроено традиционно миролюбиво и вполне лояльно к американской действительности. Даже марши протеста отошли в прошлое – против чего протестовать? Но, как это нередко бывает, нашлись лидеры, почувствовавшие политический потенциал движения, его способность влиять на дальнейшее развитие общества и даже определять его. Настоящие вожаки всегда энергичны, обычно амбициозны, часто нетерпимы к инакомыслию и нередко агрессивны. Аппетит приходил во время еды. Активных политиков, способных им противостоять, не находилось. Демократы и республиканцы, когда-то попеременно управлявшие страной, давно утратили авторитет и реального веса не имели. Да и открыто выступать против любых проявлений толерантности было небезопасно.

И случилось то, что случилось. Традиционное большинство и бывшие меньшинства поменялись местами. Власть переменялась. Опьяненные успехом победители ковали пока горячо. О толерантности теперь не вспоминали.

Началась корректировка федерального законодательства и законодательства отдельных штатов. Чем дальше, тем больше новые законы стали расходиться со здравым смыслом и законами природы. Перекроили все структуры власти.

Конституция США, разработанная и принятая отцами-основателями почти три столетия назад, с честью выдержала и эти испытания. Продуманный до мелочей документ позволяет вносить в действующее законодательство самые революционные изменения, опираясь на фундамент основного закона страны. Достаточно принять в установленном порядке соответствующие поправки. Так и сделали.

Конгресс с двумя равноправными палатами формировался теперь исключительно по гендерному принципу и позволял без оглядки на им же назначаемого президента принимать любые решения. В основу легло равенство полов. Президента женского пола сменял президент с признаками мужского.

Начало получилось феерическое. Когда стало ясно, что на достигнутом победители не останутся, а повернуть историю вспять уже невозможно, у несогласных с новыми порядками оставалось одно – голосовать ногами.

Навстречу разноязыким разноцветным переселенцам двинулась из Америки нарастающая волна эмиграции не оценивших прогрессивные реформы американцев. Это были, в основном, молодежь и люди среднего возраста – самые активные, продуктивные и перспективные представители разорванного противоречиями общества. Старшему поколению такие радикальные решения не всегда были по силам.

Заметно ослаб, а потом вовсе прекратился приток в стра-

ну свежих мозгов – талантливая молодежь из Китая, России, Индии и других стран, стремившаяся не так давно попасть сюда на учебу и работу, этот интерес утратила. И оказалось, что научно-технический прогресс в США обеспечивали по большей части эти самые иностранцы.

Ликование и эйфория после полной победы формально мирной цветной революции не обещали сторонникам традиционных сексуальных и семейных отношений ничего хорошего.

Одной из первых ласточек в законотворчестве стал запрет на изучение в школах и университетах классической и современной литературы, в которой сплошь и рядом описывалась неправильная любовь, которая не отвечала принятым теперь нормам во взаимоотношениях полов, не соответствовала новым основам морали и подрывала тем самым устой общества. Выявлять крамольную литературу, просматривая миллионы книг, никто не собирался, и запретили все скопом. Начало было положено. Искоренять, так искоренять. За книгами последовали картины, фильмы, оперы, балеты, песни. Музыку без слов оставили, чтобы сохранилась в культуре связь времен.

Весьма кстати нашелся прецедент – принятый еще в 1873 году и почти забытый закон, разработанный скромным служащим почтового ведомства Энтони Комстоком и названный в его честь. Непримируемый борец за нравственную чистоту создал «Общество борьбы с пороком». Ему не было

и тридцати – энергии не занимать. И борьба началась нешуточная.

Формально Закон Комстока запрещал не сами книги, а всего лишь их пересылку по почте. Относилось это не только к беллетристике, но и к журналам, ко всему, что напечатано. Например, к учебникам для будущих врачей, которые своим содержанием тоже могли «развращать и разлагать» неокрепшие студенческие умы, не способные противостоять «безнравственному влиянию». Намерения самые благородные, разве что с перебором. Непристойной по Закону Комстока можно было объявить любую негодную борцам за чистоту нравов книгу, вырвав из контекста любое предложение и приписав ему желаемое значение. Почта была тогда основным, едва ли не единственным способом доставки литературы, и на такой книжке можно было ставить крест. И ставили. Иногда и на авторе. Отправителю грозило тюремное заключение, предмет пересылки уничтожался. Фактически это была попытка ввести цензуру в обход первой поправки к Конституции США. Замахнулись на святое, и ведь получилось.

На почте за соблюдением закона следили специальные агенты. За первый год они конфисковали более ста тысяч книг и двухсот тысяч фотографий и рисунков. Но и этого оказалось мало.

В дополнение к Закону Комстока в ход пошел позаимствованный из английского права так называемый «Тест Хиклина», согласно которому непристойным, развращающим и

разлагающим «умы тех, кто открыт для подобных безнравственных влияний и в чьи руки такой материал может попасть», можно было признать почти любое произведение, запретить его, прицепившись к единственной фразе или предложению. И пошло-поехало.

За несколько десятилетий неустанной борьбы за чистоту нравов в черных списках побывало множество книг, в том числе и вошедших потом в золотой фонд мировой литературы. Хотя запреты действовали обычно на местном уровне и не так уж долго, результаты впечатляют.

Одной из жертв стал в 1882 поэтический сборник Уолта Уитмена «Листья травы», отпечатанные копии которого потребовал изъять из продажи окружной прокурор Бостона Оливер Стивенс. За «откровенно сексуальный язык» книга была запрещена бостонским судом. Такая же судьба ожидала изданный в 1884 роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». А в 1902 он был запрещён Денверской и Бруклинской публичными библиотеками. Американская система правосудия предоставляет местным судам всеобъемлющие полномочия в решении дел, которые не тянут на федеральный уровень. Неутомимые книгоборцы пользовались этим в полной мере. В разное время в разных штатах им удавалось таким способом «защитить» неокрепшие души сограждан.

Не утихли страсти и через сотню лет. Искоренением непристойностей не ограничивались. Цели были разные, но

неизменно самые благородные. Защищали от всего, до чего могли додуматься, исходя из собственных представлений о морали и человеческих ценностях. Знаменитый «Тарзан» Эдгара Берроуза был в 1961 изгнан из библиотеки калифорнийского городка с названием Тарзана, поскольку Тарзан и Джейн жили в своих джунглях, не поженившись, как положено. Плохой пример для молодежи. В 1983 в Алабаме приговорили к изгнанию из школьных библиотек «Дневник Анны Франк», в котором 13-летняя еврейская девочка описала ужасы нацистской оккупации. Основания? Книга де «вгоняет читателей в депрессию».

В 1996 в городке Мерримак в Нью-Гэмпшире вредной для школьников признали комедию Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно». Почему? Вы не поверите! Героиня пьесы, переодетая в костюм юноши, влюбилась в своего покровителя. Такой роман между «как бы однополыми» героями был признан нарушением местного законодательства, которое «запрещает обсуждать альтернативный образ жизни». О времена, о нравы! Сейчас бы попробовали.

В 2010 детскую книжку Билла Мартина о буре мишке Техасское управление образования включило в список запрещенных. Ее автор оказался полным тезкой мало кому известному марксисту-теоретику.

Список этот длинный. В Американскую библиотечную ассоциацию в начале XXI века ежегодно поступало несколько сотен заявлений с требованием запретить ту или иную кни-

гу. Но на федеральном уровне к этому относились без особого интереса. До поры, когда все в стране кардинально изменилось. Героям «Двенадцатой ночи» теперь нечего опасаться – альтернативным объявлен другой образ жизни.

С Законом Комстока Алекс познакомился слишком поздно, когда уже был под следствием, полистав по совету адвоката Википедию. Ничто подобное раньше не могло заинтересовать филолога, который собирался после окончания престижного английского университета сеять в Штатах разумное, доброе, вечное. Но оказался не в то время и не в том месте.

Победившие под знаменами толерантности новые законодатели о знаменах этих скоро забыли и объявили войну всему, что напоминало о ставших теперь криминальными «смешанных» браках и «разнополюй» любви. Представления о том, что такое есть порок, изменились. Произведения литературы и искусства, созданные за несколько тысячелетий, были признаны угрожающими безопасности Соединенных Штатов. Любые упоминания о возможности интимных отношений между мужчиной и женщиной должны беспощадно уничтожаться как представляющие опасность для общества и государства.

В 2060-е годы был принят целый пакет законов, нарушители которых подлежат судебному преследованию и изоляции от общества. Это стало апофеозом борьбы с особо опасным инакомыслием. Бороться с крамолой нужно огнем и ме-

чом. Комсток позавидовал бы решительности и бескомпромиссности новых борцов за чистоту нравов. Алекс вспомнил фразу из пьесы русского писателя Грибоедова: «Уж коли зло пресечь: забрать все книги бы да сжечь». Грибоедов и его герой жили в начале XIX столетия. Американские законники во второй половине XXI века мыслили шире и были практичнее: уничтожая зло, можно одновременно творить добро. Бумажные книги и ноты не сжигали, а направляли на переработку, превращали в дешевое сырье для полезной продукции – салфеток, туалетной бумаги, упаковки и при их дальнейшей утилизации не причиняли вреда природе. Три в одном: и борьба со злом, и солидная экономия, и охрана окружающей среды.

Из учебных программ исчезли литературоведение, история искусств и любые предметы, связанные с запрещенной тематикой. К этому времени полноценных университетов уже не было, но библиотеки еще кое-где сохранялись. Дяде Сэму достало ума не уничтожать основанную в 1800 году одну из крупнейших в мире Библиотеку Конгресса, где собраны десятки миллионов изданий и рукописей, в том числе раритетов. Хранилища книг и периодики были закрыты для сторонних посетителей, допуск туда имел только служебный персонал и иностранные специалисты по особым разрешениям. Предложение распродать эту уникальную коллекцию, к счастью, не прошло. Остальные публичные библиотеки закрыли, книги утилизировали. Домашние книжные собрания

обязали ликвидировать в установленные сроки самих хозяев.

Из периодики разрешены были развлекательные и рекламные журналы, не содержащие крамольных материалов, да научные и технические издания, которых уже оставалось крайне мало. Следили за всем специально созданные в каждом штате комиссии.

Все это Алексу поведал их семейный адвокат Джо Голдман. Но к юристам мы обращаемся, только когда уже нужна помощь. Нередко, слишком поздно.

От грустных воспоминаний Алекса отвлек сигнал на обед. Протертый суп-пюре из каких-то овощей, а скорее, из их синтезированных заменителей, сосиски с картошкой-фри, стакан колы. В общем, как всегда – не слишком аппетитно, но есть можно.

После обеда посмотрел выпуск местных новостей и очередную серию веселых приключений двух влюбленных прохиндеев, прерываемую блоками рекламы, которые Алекс просмотрел теперь с интересом. Скоро предстояла полная смена гардероба, адаптация к новой среде. Что там может быть нового? Он давно заметил, что пропала реклама журналов. Вспомнил, как развеселила в свое время их компанию метаморфоза некогда популярного мужского журнала «Плэйбой». Выжить ему не было суждено – содержание перешло в разряд криминальных, некогда многочисленная аудитория исчезла и журнал вместе с ней. Но примерно через полго-

да появился его клон с новым названием «Плэйгей» и соответствующим содержанием. При этом фирменный дизайн, шрифт названия и даже ушастый зайчик остались прежними. Бренд все-таки был известный. А вскоре вышел первый номер нового красочного журнала «Лесбиянг», что стало еще одним убедительным подтверждением подлинного равноправия полов. Оба журнала пользовались успехом у своих читателей и читательниц, а значит и у рекламодателей. Это предвещало им долгую и сытую жизнь. Но через некоторое время реклама обоих журналов с экранов исчезла. Столько лет прошло – может, и самих журналов не стало. Но жалеть не о чем.

Все эти годы Алекса не оставляли мысли о судьбе семейной библиотеки, собирать которую начал его прадед еще в конце прошлого века. Библиотека не слишком большая, но в ней сплошь шедевры русской литературы XIX и XX веков, в том числе и редкие экземпляры, некоторые с автографами авторов. Папа ею гордится. Во время следствия обнаружить библиотеку не смогли, хотя в материалах обвинения она фигурировала.

Но главное, конечно, не книги, а судьба близких. К счастью, Джо удалось снять все обвинения с Марии, что оказалось почти единственной, но очень важной победой в его схватке с прокурором. Столь жестокого приговора они не ожидали. Но Алекс был мужчиной, молодым и сильным, а осуждения Марии допустить было нельзя. Свидетелей про-

тив нее у обвинения не оказалось. Она воспользовалась пятой поправкой к Конституции – правом не свидетельствовать против себя – и отказалась отвечать на провокационные вопросы прокурора. Держалась девушка, которой едва исполнилось двадцать два, с достоинством и лишь после оглашения приговора не смогла сдержать слез.

Их роман не был долгим – они встречались всего несколько месяцев до самого его ареста. Еще осенью в колледже, где Алекс продолжал преподавать английский, ему объявили о предстоящем сокращении в связи с изменением учебной программы. Без работы Алекс не оставался. Имея много свободного от занятий времени, он стал внештатным копирайтером – писал тексты, сценарии, сочинял слоганы для рекламных фирм и финансовых проблем не испытывал. Не желая расставаться с любимым делом, он собрал небольшую группу из тех, кто проявлял интерес к литературе. Подбирал их он, естественно, только по рекомендациям друзей и надежных знакомых. Кое-кто из его слушателей планировал отправиться на учебу за границу, кто-то вообще подумывал об эмиграции. Многих удерживала от этого забота о старшем поколении – почти в каждой семье были пожилые родители, дедушки, бабушки.

Занятия проходили в его загородном доме, что избавляло от необходимости перевозить запрещенные законом книги. Правда, иногда его ученики уносили их с собой, но спрятать одну книжку от постороннего глаза было просто. Все

понимали, что ответственность за нарушение драконовского закона распространяется не только на Алекса, но и на каждого из них. Среди учеников оказалась одна девушка – Мария. Она потом призналась, что после первого занятия с трудом смогла дождаться второго, и думала на этих встречах не только о литературе, хотя со всех сил пытаюсь сосредоточиться на предмете. Глаза предательски ее выдавали. Не заметить этого Алекс не мог. Он и теперь ощущает прилив тепла, вспоминая эти первые, как бы случайные соприкосновения взглядов. Все знают, как это бывает. По крайней мере, раньше знали.

В конце 2071 перед католическим Рождеством Мария задержалась после занятий, сказав, что у нее есть вопросы по рассказу Ивана Бунина «Солнечный удар»... То, что произошло с ними самими, Алекс сравнивал со вспышкой молнии, вырвавшей на мгновение из грозовой тьмы обращенные друг к другу лица. И тьма эта, как они оба тогда подумали, исчезла навсегда.

Новогодние каникулы они провели уже вместе, а через месяц Алекс представил Марию родителям. Папа, как и всегда с новыми знакомыми, был сдержанно приветлив и только изредка вопросительно поглядывал на Алекса. Мама и не пыталась скрывать, что девушка ей понравилась, помогала Марии освоиться, избавиться от скованности. К концу обеда обе уже были друг другом очарованы, и можно было подумать, что они знакомы давно. Заглянувший в родительский

дом на огонек старший брат Питер сразу нашел с Марией общий язык и, понимающе поглядывая на Алекса, одобрительно ему кивал.

Это были прекрасные дни, и только интервалы между встречами казались невероятно долгими. Прошла незаметно зима. Приход весны вполне отвечал их солнечному настроению и ожиданию чего-то еще более радостного. Как и что будет, не важно. Они должны быть вместе – значит, будут, остальное не имеет значения. Что происходило вокруг, не замечали, будто окружающее их не касалось. Лишь обстоятельства, которые могли помешать очередной встрече, возвращали их к действительности.

И родители, и брат считали, что они прекрасная пара и должны пожениться. Но уже был принят закон, запрещающий создание разнополых семей. Браки, заключенные в других странах, в Штатах признавались, и потому влюбленные собирались отправиться летом в Англию, где у Алекса много друзей. Собирались, но не успели.

В его литературном кружке все были единомышленниками. Хотя встречи эти не были безопасными, осечки не должно было случиться. Но случилась. Кто-то все же оказался «крысой». Кто, Алекс не знал до сих пор. Суд ссылался на свидетельства, источник которых не раскрывали. По их содержанию определить доносчика было трудно, а обвинять кого бы то ни было без достаточных оснований и доказательств он не мог. Для судебного обвинения хвати-

ло нескольких книг, обнаруженных полицией в багажнике его машины по наводке оставшегося неизвестным бдительного гражданина. Этого оказалось достаточно, чтобы изолировать от общества опаснейшего врага, подрывающего его устои. Формулировка приговора было словно списана со статьи, относящейся к борьбе с наркобизнесом: «За хранение, использование и распространение материалов, представляющих угрозу для существующего государственного строя, подрывающих устои американского общества».

Винил Алекс только себя. Можно ведь было вовремя улететь, но видимых оснований для беспокойства не было. Мария всегда с ним соглашалась. Согласилась и тогда, что с Англией можно немного подождать – до окончания учебного года в Оксфорде, где работали несколько его друзей, оставалось несколько недель.

О том, что их отношения уже сами по себе не вписываются в рамки теперь здесь принятых, вступают в конфликт с действующими законами, думать не хотелось. Да и законы эти они представляли лишь в общих чертах. Понимая, что ничего хорошего от сограждан ждать не приходится, они старались не дразнить гусей, на людях вместе не появлялись, встречались там, где не было посторонних глаз. В единственную короткую совместную поездку в Канаду в конце мая отправлялись каждый на своей машине, возвращались тоже. Но и этого оказалось недостаточно...

Взгляд опять остановился на календаре: 2084. Двенадцать

лет... Что теперь? Деньги на счете до ареста были. Около десяти тысяч. Достаточно на первое время. Банковская карточка просрочена, но новую получить, наверное, не составит особых проблем.

Куда ехать? В Колорадо-Спрингс или Денвер? А может, еще куда. В любом случае надо связаться с Питером, если, конечно, он в Штатах. Брат всегда подскажет и поможет. А если Пита здесь нет? Об этом не хотелось и думать. А родители? А Мария? Все те же вопросы, на которые ответов нет, но скоро будут. Худшее даже предполагать не хотелось. Неизвестность его угнетала все время. О близких не знал ничего. Как и о том, сообщили ли семье, где он, и вообще что-нибудь. От этой системы всего можно ждать. Власть всегда умела обходить и законы, и конституцию, если они ей мешали. Законы всегда можно подкорректировать. Им можно все.

Надо было спросить, знают ли родные о его освобождении. В любом случае у ворот его никто не встретит. Не успеют сюда добраться. Надо рассчитывать на себя. Заказать машину, уехать куда-нибудь, связаться с Питером, а там будет видно.

Двенадцать лет... Эдмон Дантес – граф Монте-Кристо – был узником замка Иф четырнадцать. Но сидел он в каменном мешке и условия «Флоренс» – сносное питание, ежедневные прогулки, тренажеры, экран – посчитал бы курортными. Правда, у него был сосед-собеседник, что дорогого стоит, и вырвался он на волю сам, не обремененный особыми

условиями. И богатство на него свалилось огромное. Глупые сравнения, чему тут завидовать? Своего Дантеса Дюма двести лет назад придумал, а у Алекса все реально, и хорошего давно не было. Но в субботу он будет свободен. Все остальное не важно. Как бы оно не обернулось, хуже не будет. С этой утешительной мыслью он и заснул.

2

В пятницу утром Алекса опять отвели к начальнику. Кабинет тот же, но офицер другой. На вопрос Алекса ответил, что прежнего перевели на новое место службы. Неужели и здесь не обошлось без Большого брата? Тот парень явно вышел в беседе с Алексом за рамки, определенные служебным регламентом, позволил себе неформальный разговор и слишком вольные, пожалуй, высказывания. Впрочем, это может быть и совпадением.

– Мистер Кронин, вы ознакомились с решением суда и условиями освобождения?

– Да, сэр. Ознакомился и готов подписать. Вот, пожалуйста, – Алекс передал бумагу офицеру. Тот положил ее на стол рядом со вторым экземпляром.

– Подпишите оба экземпляра. Ваш вы всегда должны иметь при себе. Передадите его полиции по прибытии к месту проживания. Вопросы есть?

– Да, сэр. Я хотел бы знать, сообщили ли родным о моем

освобождении?

– Я не уполномочен информировать кого бы то ни было о чем бы то ни было и такими данными не располагаю.

– Понятно, сэр.

– Еще вопросы?

– Да, сэр. Каким образом можно отсюда уехать?

– Вы можете воспользоваться рейсовым автобусом до города Флоренс, который проходит здесь каждые полчаса, или заказать машину с водителем или без. О вашем решении вы должны сообщить мне сегодня до четырех часов. Изъятые при аресте личные вещи и документы будут переданы вам завтра утром в восемь. Выход с территории исправительного учреждения в 10.00. Если вопросов больше нет, можете идти.

– Вопросов нет, сэр. Благодарю вас, сэр.

В дверях уже стоял охранник. В серой форме.

В эту ночь Алекс почти не спал, еле дождался подъема. Позавтракал, не видя того, что ест. Когда принесли одежду, переоделся и не без удивления отметил, что немного поправился. В бумажнике оказалось около трех сотен наличными, банковская карточка, водительские права. Джентльменский набор начинающего вольную жизнь бывшего заключенного.

Ровно в десять появился охранник. Они прошли по лабиринту коридоров с дюжиной стальных дверей, и Алекс вышел из ненавистного серого блока и дальше за ограду на ули-

цу.

Солнце уже сияло вовсю. Столько лет он видел его только на экране, но сегодня и пасмурное небо не смогло бы его огорчить. Свершилось. Прощания не было. Не с кем прощаться.

Машина уже ждала на стоянке – обычного вида синий седан «Шевроле». Рядом стоял водитель. Среднего роста паренек лет двадцати пяти с пышной гривой волос. На нем майка поло с эмблемой фирмы на груди и шорты того же цвета, что и машина. После ненавистного серого любой цвет радовал глаз. Можно было бы и без водителя, но после такого перерыва просто сесть и поехать на машине с новой, наверное, электронной начинкой Алекс не решился. По привычке он все же занял водительское кресло.

Паренек, представившийся как Джерри, уселся рядом на пассажирское место и за три минуты все объяснил. Мало что изменилось. Управление – проще некуда. Называешь пункт назначения, определяешь среднюю скорость и даешь команду «Старт». Остальное дело работа. Похоже на то, что и раньше было, но панель оформлена иначе, добавилось несколько мониторов, центральный стал больше, кнопок почти не осталось. Обычная система поиска – отели, рестораны, магазины, банки и чего душе угодно, планирование остановок. Не заблудится, привезет куда надо по оптимальному маршруту.

Первой остановкой Алекс определил банк в Колора-

до-Спрингс, чтобы разобраться с деньгами. Потом в магазин – прикупить на первый случай что-нибудь из одежды.

Поехали. Машина вырулила на шоссе и покатила. На монитор Алекс не смотрел, разглядывая все вокруг. В Колорадо он бывал не раз, катался с друзьями на лыжах в Скалистых Горах, но не на здешнем юге и обычно зимой. Как давно это было. Горы и сейчас были рядом, а дорога вилась по холмистой равнине. Красиво, особенно после опостылевших стен тюрьмы.

Джерри прервал молчание.

– Сэр, при желании вы можете перейти на ручное управление – классический мультиступенчатый вариант. Достаточно произнести: «Смена режима» и выбрать из предлагаемых вариантов «Ручное управление». Машина очень послушная, система безопасности надежна в любом режиме. Наша фирма использует самые современные модели. Без подзарядки или замены блока питания можно в стандартных условиях проехать около 500 миль.

– Спасибо, пусть сама везет. У нее хорошо получается, – только теперь Алекс обратил внимание на ровный загар своего спутника и жутковатую в сравнении с ним бледность своего лица в зеркале над ветровым стеклом. Но поразило не это. В ушах Джерри блеснули сережки с камешками, которые прятались за его длинными волосами.

«Из «цветных», – мелькнуло в голове. Цветными в их кругу окрестили представителей ЛГБТ-сообщества. Тем более,

что сограждане, которых в давние времена здесь называли цветными, а потом политкорректно переименовали в афро-американцев, эмигрировали из штатов в первых рядах. В основном, отправлялись они на свою историческую родину в африканские страны. Африка, благодаря, в том числе, и притоку этих экс-американцев, пережила период бурного экономического подъема. Переселенцев из штатов там стали называть амероафриканцами. Не обидно, скорее, даже уважительно.

Публика, конечно, была разношерстная. Немало и плохих или не очень хороших парней с криминальным прошлым. Но в большинстве своем нормальные люди, неплохо образованные. Были среди мигрантов и дипломированные специалисты, и бизнесмены с солидным опытом. Такое вливание помогало африканским странам выходить из бедности, развивать экономику, создавая современное производство и туристическую инфраструктуру с уникальным сочетанием экзотики и комфорта. Результаты не заставили себя ждать. Любители путешествий со всех концов планеты щедро финансировали этот бум, оставляя здесь приличные деньги.

Тогда покинули страну и остальные небелые ее жители. Эти тоже отправлялись по домам – в Азию и Латинскую Америку. А в Штаты съезжалась их смена – новые «цветные». Общаться с одним из таких даже после долгого одиночества у Алекса особого желания не было. Ничего личного. Просто не хотелось.

Скоро въехали во Флоренс. Субботнее утро, улицы пустынные, малоэтажная застройка, типичная для американской глубинки. Проехали городок и попали, судя по указателю, на шоссе Ветеранов Вьетнамской войны.

Дорога вела на север к Колорадо-Спрингс, пейзаж не изменился. До города было рукой подать и скоро машина припарковалась у банка. За несколько минут Алекс решил первую проблему – получил новую карточку и взял часть денег наличными. Сидевший у входа в операционный зал клерк, увидев слишком бледное для середины лета лицо клиента, проглотил вопрос, почему он так долго не менял карточку. Сообразил, наверное.

Из банка отправились в магазин, где Алекс кое-что купил, вспоминая виденное в рекламных роликах. Ехать сегодня в Денвер, где его никто не ждал, смысла не имело. Решил остановиться где-нибудь по дороге и попробовать связаться с Питером. Выбрал небольшой отель «Вершины» в городке Касл-Рок милях в тридцати от Денвера. Там Джерри можно отпустить. Претензий к нему не было. Внимательный и корректный инструктор знал свое дело. Но знал он и место, куда подал машину, и о том, кого во «Флоренс» содержат. Его настороженность была понятна, хотя он и старался ее скрыть.

Выехав из Колорадо-Спрингс, миновали Академию ВВС, закрытую по иронии судьбы в 2054 – в год ее столетия. Открыли академию при Президенте Эйзенхауэре, командовавшем во Вторую мировую войну союзными войсками в Евро-

пе. Когда реальной угрозы стране не стало, новые военные летчики больше не потребовались. Да и ВВС практически не осталось. Академию превратили в музей, но и его скоро закрыли, когда расходы на содержание стали превышать доходы от редких посетителей. И чего это вспомнилось? Не иначе, память себя тестирует.

Внимание Алекса привлек коптер, пролетевший в северном направлении. Такой же он видел и над шоссе Ветеранов. Должно быть, дорожный контроль. Предполагать иное оснований не было, но любая форма контроля Алекса настораживала. Избавиться от напряжения, которое он сам счел паранойей, смог только когда беспилотник скрылся. Расспрашивать Джерри желания не было. Внешне водитель выглядел вполне нормальным, но вот сережки...

Скоро машина подкатила к отелю и остановилась на парковке. Приехали.

– Спасибо, Джерри. Дальше я поеду сам.

– Да, сэр. Как пожелаете. Я обязан напомнить вам, что машина арендована для поездок в пределах штата, но изменить условия можно, связавшись с диспетчером. С ним вы решите и другие вопросы, если возникнут. Оставить машину и оплатить аренду можно там, где вам будет удобно в любое время. Сумму увидите на мониторе. Вот, пожалуй, все. Если нет вопросов, готов вас покинуть.

– Вопросов нет. Еще раз благодарю, Джерри. Вы толковый парень. Отлично выполняете свою работу, – назвав Джерри

парнем, Алекс немного смутился, но этот малый или кто он там есть, антипатии не вызывал, и Алекс, улыбнувшись, протянул ему руку, – всего хорошего.

– Благодарю, сэр. До свиданья. Желаю успеха.

Когда Джерри скрылся за углом, Алекс вспомнил, что не дал ему чаевых. Но не бежать же за ним теперь.

Касл-Рок вытянулся вдоль трассы, разделившей его на две части. ОТЕЛЬ был рядом с дорогой. Два этажа, ресторанчик в пристройке, небольшой летний бассейн. Других строений рядом не было. Портье поинтересовался, бронировали ли Алекс номер, что предполагало скидку. Но и без заказа можно было выбрать любой этаж. Алекс предпочел верхний и сказал, что пока не знает, когда уедет, возможно, через 1-2 дня. На его вопрос, почему небольшому отелю дали такое звучное название, портье объяснил, что все номера оборудованы уникальными установками, подающими воздух, соответствующий заданной высоте и другим природным особенностям по выбору гостя. По умолчанию воздух в номере – сосновая роща на высоте одной мили. Изменить его можно, задав новые параметры на пульте или по телефону. Портье не без гордости сообщил, что, благодаря этой особенности, отель имеет много постоянных клиентов.

Комната была просторная с письменным столом и баром. Особенно обрадовала большая ванна-джакузи. За плотной шторой – балкон, с которого видны заснеженные вершины.

На столике – монитор. Удастся ли с кем-нибудь связаться? Вошел в систему, задал поиск Питера. Ура! Получилось. Отправил короткую записку.

Ответ пришел почти сразу: «Привет, братишка. Сижу и жду от тебя вестей. Знал, что выходишь, но без подробностей. Теперь вижу, где ты. Оставайся на месте. Больше никого не ищи, не пытайся связаться и не звони. Все в порядке. Скоро буду. Надеюсь, что завтра. До встречи».

Свершилось. Завтра, уже завтра он все узнает. Пит написал, что все в порядке. Слава Богу. Алекс пытался успокоиться, но получалось плохо. Больше почты не было. Где сейчас Пит, не определишь. Нужно набраться терпения, только где его взять? Расслабиться помогла теплая ванна с белоснежной пеной, в которой он нежился не меньше часа. Можно было спуститься в бассейн, но купальных трусов не было, а отлучаться из отеля Алекс не решился. Включил экран. Каналов много, нашел новости. И тут ничего интересного – репортажи о прошедших и анонсы предстоящих местных событий вперемешку с рекламой. Прогноз обещал солнечные дни с умеренной жарой. Колорадо славен обилием солнца.

Питер объявился на следующий день после полудня. Ворвался в номер и едва не задушил Алекса в железных объятьях.

– Какой ты бледный, но, в общем, ничего – выглядишь не так уж плохо. Извини, несу, Бог знает что. Это ты, братишка,

это ты...

Пит был старше всего на два года, но всегда вел себя, как и полагается старшему брату, которого надо слушаться. Этому шутивому превосходству Алекс не противился. Братья отлично понимали друг друга, и лишних слов не требовалось.

Пит осмотрел номер.

– Ты куда-нибудь выходил?

– Вчера пару раз в ресторан и сегодня на завтрак.

– Кто-нибудь заходил?

– Горничная – застелить постель и прибраться.

– Душновато здесь. Пойдем на балкон.

Система горного воздуха работала хорошо, но Алекс сообразил, что на балконе говорить удобнее. Они уселись в шезлонги лицом друг к другу.

– Вижу, ты все понял. Видеокамеры везде. В общественных местах, отелях, ресторанах, магазинах их никто и не прячет. Работают круглосуточно. А где видео, там и слышио. Понятно, что так обеспечивается общественная безопасность. Но и остальное от их глаз и ушей не скроешь. За эти годы Большой брат никуда не делся. Скорее, наоборот – стал ближе к народу. Приходится с этим считаться. Аппаратура, о которой знаешь, не так страшна. Маловероятно, что они успели оборудовать балкон, где штатные камеры не предусмотрены. Как назло, детектора для выявления этой техники я сюда не взял. Но это не важно, когда соблюдаешь предосторожность. Сейчас достаточно просто убавить свою

громкость, звук приглушить.

– Само собой. Забудусь – напомним. Откуда прилетел? Где наши – родители, Мария? Написал, что все в порядке. Не томи, рассказывай. Я заждался.

– Все нормально. Мама и папа в Англии, Мария в Штатах. Хорошо сидишь? Есть новость не для слабонервных.

– Что случилось?

Питер улыбнулся.

– Держись за подлокотники. Ты уже одиннадцать лет папа – у вас с Марией в 2073 году родилась дочка. Сообщить тебе возможности не было. Судебная власть не посчитала необходимым доводить это до тебя, сославшись на то, что Мария твоей женой официально не является. Спорить с ними бесполезно.

Алекс словно окаменел. Потом встал, снова сел и снова встал. Наконец обрел дар речи.

– У меня дочка? Фантастика! Как зовут?

– Никогда не догадаешься. Ее имя Александра или просто Алекс.

– Как? Александра? Мария просто молодец! Боже правый, я папа! Малышка Алекс! Вот это да! Хорошо, что вчера ты не написал. Я бы ночь не спал. Я отец. Чудо! И в мыслях такого не было. А как Мария, где она? Когда мы увидимся?

– Сядь и успокойся. Все будет хорошо.

– Ты чего-то не договариваешь.

– Все хорошо, но не так просто. Не дрейфь – все под кон-

тролем, мы со всем справимся. Если я говорю, так и будет.

– С чем справимся? Давай без загадок. Ты меня пугаешь.

Что с ними?

– Живы и здоровы, и теперь все будет хорошо. Ничто и никто помешать нам не сможет. Дай на тебя наглядеться.

– Где они? Позвонить можно?

– Возьми себя в руки. Пока нельзя. Не отсюда.

Алекс перешел на шепот:

– Говори все, как есть. Я спокоен и хочу знать правду.

– Успокоился? Так-то лучше.

Алекс кивнул.

– Когда тебя увезли из города, мы не могли ничего узнать.

Информации не давали, ссылаясь на формулировку «полная изоляция». Даже Джо не мог пробить эту стену. Он сказал, что похожее определение «без права переписки» было в СССР при диктатуре Сталина. Люди исчезали, многие навсегда. Есть у кого учиться. Но до такого, слава Богу, наши не дошли. На запросы отвечали, что ты жив и находишься в тюрьме особого режима. Это сохраняло надежду.

– Почему ты не говоришь, где Мария и Алекс? Как странно звучит: где Алекс? Будто я про себя спрашиваю. К этому еще надо привыкнуть.

– Ничего, привыкнешь. А с ними все в порядке. Мария знает, что тебя выпустили, и будет ждать звонка и тебя самого сколько надо. Страшное позади, но и себя и близких мы должны оградить от неприятностей.

– Дочка наша с ней? Что ты молчишь?

– Я узнал, что Мария беременна, когда она была на седьмом месяце. Перезванивались мы регулярно, но о том, что ждет ребенка, она не говорила.

– Бедная девочка. Нелегко ей приходилось.

– Не то слово. В этом положении нужен постоянный медицинский контроль, но обращаться к незнакомым врачам Мария боялась. Последствия могли быть разные. Через знакомых нашла опытного специалиста, который ее наблюдал. Когда скрывать беременность стало трудно, она оставила работу. Сбережений хватало, деньги ей не требовались. Когда я обо всем узнал, стал приезжать при первой возможности. В Штатах у нее кроме нас никого нет, и оставить ее одну было нельзя. Родителям решили ничего не говорить. Им и без того было трудно. После суда прошло всего несколько месяцев. Помочь Марии они ничем не могли.

– Столько всего сразу. Хорошо, что ты был на месте.

– Я посоветовался с Джоном, и он сказал, что рожать лучше в Канаде. Это избавит ее и ребенка от многих проблем. Так и решили. Но вышло по-другому. Я приехал за месяц до предполагаемого срока. Все шло нормально, отправились мы на моей машине и были уже в Миннесоте, когда у Марии начались схватки. Опыта по этой части у меня нет, но я понял, что нужно срочно в больницу. Мария держалась, терпела, как могла. Направились в Рочестер, где находится знаменитая Клиника Мейо. Я нашел нужный госпиталь, и Ма-

рию сразу увезли в родовое отделение. Мне оставалось только ждать. Утром в отель позвонили: все прошло нормально – у меня дочь. И здесь я оплошал. Поблагодарил и ляпнул, что ребенок не мой. Сорвалось с языка. Имя отца Мария не назвала, понимая, что твое положение может ухудшить ситуацию. Дочку ей не отдали. Правильной матерью такая женщина быть не может. Ребенка передали в службу опеки. Как всегда, помог Джо, который разобрался в ситуации. Детей разрешено иметь лесбиянкам – либо после искусственного оплодотворения из специального фонда, либо приемных – из домов ребенка. Для пар мужского рода возможен только второй вариант. Родители и дети должны быть одного пола. Смесь доморощенной евгеники и идиотизма. Мария строгим требованиям блюстителей нравов не отвечала. Но и лишить ее родительских прав оснований не было. Мы оставались в Рочестере еще десять дней. Узнали адрес дома ребенка и установленные там порядки. Поскольку родительских прав Марию не лишили, ей позволили выбрать девочке имя. Мария получила также возможность регулярно ее навещать.

– Дом этот в Рочестере?

– Не в самом городе, а в нескольких милях.

– Малышка сейчас там?

– Сейчас она уже не малышка, хотя тебе это все представить трудно. Ты же ее никогда не видел. В шестилетнем возрасте Алекс перевели в школу-интернат неподалеку. Мария переехала в Рочестер, где живет все эти годы. Видишь, как

получилось. Худшего не произошло – Алекс могли отдать приемным родителям. К счастью, лесбийские пары не захотели брать ребенка с непонятной родословной. Ложка меда в сложной судьбе этой чудной девочки. До сих пор не могу простить себе ту оплошность.

– Не ты виноват, Пит. Их бездушие не знает границ. Негодяи! И они – победители, они празднуют...

– За Алекс не беспокойся. Девочка умная, в школе учится хорошо, а специальное сексуальное просвещение начинается с двенадцати лет. Мария регулярно с ней видится, но забрать дочь пока не удалось. Теперь заберем. Скоро обнимешь дочурку. Джо, должно быть, уже там. Если потребуется, и мы подключимся. Тебя в документах Алекс нет. Иначе и Мария могла бы оказаться сейчас под колпаком.

– А обо мне Алекс знает?

– Мне Мария об этом не говорила, и я не спрашивал. Не переживай, все образуется. Алекс очень похожа и на тебя, и на Марию, и вообще вы все друг на друга похожи. Сам скоро убедишься.

– Не вини себя, Пит. Ты столько для нас сделал. Я и сейчас без тебя не знал бы, что делать. Никогда не сомневался, что ты меня не бросишь.

– А ты бы бросил? Ты и сам такой.

– Поэтому ты не женат?

– Какие мои годы! Просто не встретила еще такая девушка, как твоя Мария. Все впереди. Ты первый подарил ро-

дителям внучку, но я наверстаю. Посмотрим еще, кто кого.

– Из уваженья к вам не смею сомневаться, – вспомнил Алекс шутовское выражение их юности.

Пит был рад, что к брату возвращается чувство юмора. «Так-то лучше», – подумал он с облегчением.

– Теперь о наших делах. Ты освобожден условно, но как опасный преступник должен оставаться под контролем. Не знаю точно, как они работают, но что работают, знаю точно. Там не дураки, но и мы не лыком шиты. Я ведь тоже кое-чему учился. Но в отличие от них у нас нет права на ошибку, каждый шаг надо просчитывать. Не сомневайся, все сделаем как надо.

– Ты о Федеральной Службе Контроля? У меня есть предписание, но там ничего особенного.

– Потом посмотрю, но не питай иллюзий. Ты не под стражей, но и не свободен. Это не одно и то же. Бояться нечего, но помнить надо. Расслабься, на тебе лица нет – весь бледный, – Пит попробовал перевести все в шутку.

– Да, на меня все смотрят как на пришельца. Хотя пришельцы, скорее, должны быть похожи на тебя – крепкие и загорелые, или, на крайний случай, какие-нибудь зеленые.

– Лишь бы, не голубые, – Пит пытался поднять брату настроение.

– С тобой-то все нормально. Кровь с молоком.

– Да и тебе грех жаловаться. Легкого загара только и не хватает.

Пит в самом деле выглядел здорово – высокий спортивно-го сложения джентльмен. По отцовской линии все мужчины в их роду были как на подбор. В семье миссис Кронин тоже мелких не было. Но Алекса волновало другое.

– У тебя фото Алекс есть?

– С собой, к сожалению, нет. Не додумался. Точнее, не все успел. Времени было мало. Смартфона тоже нет, он сейчас в Калифорнии. А смотреть по сети не стоит. Скоро сам увидишь свою девочку. Потерпи немного.

– А мама с папой? Где они?

– Оба здоровы, у них все в порядке. Живут в Англии, и для полного счастья им не хватает только вас с Марией и внучки, которую они видели только на мониторе. Скоро и они свое счастье получают.

– А как папа отреагировал на имя внучки?

– Ты папу не знаешь? Он сказал, чем больше будет Алексов, тем лучше. Предложил и мне сменить имя.

– Да, он за словом в карман не лезет. А что мама?

– Она сказала, что категорически против смены моего имени, что вместо этого я должен позаботиться о том, чтобы у нас в семье Алексов прибавилось естественным путем.

– Милые мои. Как я по ним соскучился. Они, наверное, постарели.

– Оба переживают за тебя, но стараются вида не подавать. Конечно, эти годы не могли пройти для них бесследно, но держатся молодцом. Папа после переезда в Англию много

работает и гордится тем, что востребован. А мама, как это всегда было, о нем заботится. Даже в деловые поездки иногда с ним отправляется. Они стремятся всегда быть в форме и, слава Богу, серьезно не болели.

– Обо мне ты им сообщил?

– Вчера позвонил, обрадовал. Мама, когда услышала, что ты вышел, минуты три просто молчала. Представляю ее состояние. Я ее успокоил, как мог, сказал, что скоро приедем. Позвонить они нам пока не могут, но я об этом предупредил заранее, чтобы не беспокоились. Хотя они могут поговорить с Марией. Скоро ты и сам им позвонишь, а потом и увидишь.

– Неужели, это мне не снится? Пробуждение было бы страшным.

– Я могу тебя ущипнуть, да боюсь, что синяк останется. Жаль, что загореть не успеешь, а то был бы неотразим.

– Твоего загара на двоих хватит.

– А может, подгримируем тебя малость. Здесь любой макияж на раз сделают. Сам себя не узнаешь.

– Тебя давно не били? Не нарывайся.

– Это я так, к слову, чтобы разговор поддержать. Испытывать судьбу не буду, хотя не помню, чтобы ты когда-нибудь брал верх.

– У тебя провалы в памяти? В этом возрасте? Ладно, пусть будет так, а то мало ли что.

– Ты мне все больше нравишься. К встрече с нашими будешь, как огурец.

– Хорошо бы. Ты все понимаешь, а я знаю пока слишком мало, но уже есть от чего голову потерять...

– Еще бы. Покажи-ка свое предписание, путевку в свободную жизнь. Посмотрим, что к чему.

Алекс принес сложенный листок, и Пит пробежал его глазами.

– Стандартные условия *парол* – твоего вида досрочного освобождения. Для нас сейчас важен срок твоего прибытия к месту проживания – десять дней. Должно хватить. Остальное не так интересно. Разве еще то, что переехать из Колорадо ты мог бы потом только туда, где живут твои родственники. Это уже теплее. Да, только, чтобы выдать тебе разрешение на выезд из Колорадо, здешние власти должны подготовить и передать в штат, где ты намерен жить, кучу бумаг. В том числе и анализ твоего поведения, что предполагает твое длительное проживание под надзором полиции. Вот это уже нам не подходит. Жить здесь тебе не придется. К родственникам ты поедешь, но не с их разрешения. Выходит, что стать законопослушным гражданином в Америке тебе не суждено. У тебя есть уважительная причина – закон с тобой обошелся жестко, даже жестоко, и ты имеешь моральное право отнестись к нему соответственно. Готов?

– Еще сомневаешься? Уверен – ты знаешь, что делаешь. Так всегда было, старина.

– В тебе я не сомневался. Итак, нам предстоит дальняя поездка.

– Что я должен делать?

– Так-то лучше. Велика вероятность, что все твои перемещения могут отслеживаться. Пока делать это было просто. Заказная машина, да еще с водителем дала федералам массу возможностей. Где ты сейчас, знаю не только я, но теперь игра пойдет по нашим правилам. Они, думаю, знают, что я здесь. И это не проблема. Ежу понятно, что мы с тобой встретимся, и потому откладывать встречу не имело смысла. Важно, чтобы ты не успел наделать ошибок. Извини, но в этих делах я понимаю больше.

– Нечего извиняться. Я вижу.

– Спасибо, сэр. Я так, на всякий случай. Ты смартфон еще не купил?

– Нет, времени не было.

– Отлично. Самый простой способ контроля – отслеживание связи. Тебе и звонить никому не надо. Где ты, известно, даже когда трубка выключена. Ее включают без проблем, ты и не заметишь. Трубку можно перевести в режим микрофона и прослушивать твои разговоры. Это делают давным-давно. Когда-то, чтобы отсечь контроль извлекали питание. Теперь надо удалить память. Пока помогает. Но и над этим работают. Правда, не в Штатах – здесь некому. Самое верное в критической ситуации – выкинуть аппарат. Если бы ты зарегистрировал новую трубку, туда автоматом загрузились бы данные со старой. Все остальное, что федералам интересно, есть в их базах. Все под колпаком. Они твердят, что законо-

послушным гражданам ничто не угрожает, а персональная информация используется в интересах безопасности и лишь в исключительных случаях. Но какой случай исключительный, они же и определяют. Наш случай как раз такой. На свободу вышел опасный преступник. Хорошее поведение в тюрьме не означает, что ты исправился. Раз они могут так считать, мы обязаны это учитывать.

– Значит, позвонить не сможем?

– Не сейчас. Рисковать не стоит. Есть разные возможности. Можно связываться по сети, желательно, с общедоступного компьютерного терминала – на вокзале, в кафе, в отеле. Специальные программы запутывают следы звонков, шифруют разговоры и сообщения, но ими владеют только продвинутые хакеры. Есть и другие способы. Для тех, кто оказался где-то без трубки, продаются разовые аппараты без регистрации. Они рассчитаны на определенное довольно короткое время работы или общую продолжительность разговоров. Не хочешь оставлять следов – покупай за наличные. В особых случаях отслеживаются и все твои абоненты, старые и новые. А если контроль еще и визуальный, твои контакты ни анонимная трубка, ни комп не скроют. Знаю это точно – работал в коммуникационных компаниях. Методики сохранились. Мария знает от меня, как действовать в разных ситуациях.

– Это интересно, но теперь, когда ты здесь, уже, наверное, не актуально.

– Ты, кстати, выбрал удачный отель и номер. Ни напротив, ни по сторонам ничего нет, открытая местность. На балконах штатную прослушку не устанавливают из экономии, а специальную, как я уже говорил, не должны были успеть. Поэтому здесь можно было бы говорить почти свободно, если бы не один пустячок.

– Ты о чем?

– Наклонись и не оглядывайся.

– Опять загадки.

Пит наклонился и понизил голос.

– Несколько минут назад к отелю подъехала машина и припарковалась как раз напротив твоего балкона. Ничего особенного. Но из нее до сих пор никто не вышел. И этому тоже можно найти объяснение. Приехали за кем-то, а он еще не вышел. Возможно. Или машину привел робот по заказу. Тоже возможно.

– Ты сам нашел на все ответы, мистер Пи.

– Точнее – возможные ответы. Но есть и другие. Например, машина оборудована микрофоном, который можно разместить не только в салоне, но и снаружи и направить, куда угодно. Может такое быть?

– Может.

– Правильный ответ. Стекла очень темные – есть ли кто в машине, не видать. Проверять пойдем?

– Это вопрос или предложение? – в тон ему спросил Алекс.

- Надеюсь, теперь понятно, почему я завел скучный разговор о контроле. Ты молодец, проявил завидное терпение.
- Не буду врать, что был в восторге, но лишних знаний не бывает.
- И это тоже правильный ответ.
- Предлагаю пойти перекусить. Ты с дороги, а я за компанию.
- Ты мои мысли читаешь. Ответ принят. Оценка – очень хорошо.
- Почему не отлично?
- Из вредности. Пойдем, пожалуй, перекусим.

3

Маленький зал. Дюжина столиков, по большей части свободных. За остальными несколько пар солидного возраста и компания молодых людей. Было время ланча, и две официантки дефилировали между столиками и барной стойкой, за которой виднелось окно в кухню.

Пит выбрал столик в углу у окна, откуда просматривался весь зал. Он указал глазами на трех парней, сидевших через два столика тоже у окна. Чуть дальше пила кофе еще одна мужская пара. Эти больше других подходили на роль федералов. Хотя пока опасаться, вроде бы, нечего, говорить решили только на нейтральные темы. Алекс внимательно изучал меню.

– Столько лет провел в Колорадо, но с местной кухней так и не познакомился. Может, ты что посоветуешь? – шутка получилась грустная.

– Все позади, Алекс, и не вернется. Этой еды я тоже не знаю. Возьму, пожалуй, зеленый салат и стейк.

– Не обращай внимания, я привыкаю потихоньку. Попробую гриль по-ямайски, который на картинке смотрится аппетитно.

Девушка приняла заказ, сразу принесла минералку и сок. Никто интереса к братьям не проявлял.

– Значит, родители в Англии. Давно перебрались?

– Пришлось долго уговаривать. Особенно маму, ни за что не хотела уезжать. Убеждали, как могли, что здесь она ничем тебе не поможет, а для папы нормальной работы нет, и не предвидится. Статьи и книги, которые он писал, печатались за границей. Почти год ушел на уговоры. В конце концов удалось. Зато теперь я спокоен. В Англии все как прежде.

– Где они живут?

– Знакомое тебе место – Оксфорд.

Дома шутили, что учебу в Англии Алексу предопределили еще до рождения. В США нормальных университетов уже не было, а когда выяснилось, что младший сын унаследовал интерес отца к литературе, сомнений не осталось. Так сразу после школы Алекс оказался в Оксфорде.

– Оксфорд?! Отлично! Об этом можно только мечтать.

– Папу там знают и уважают, и когда стало известно, что

он намерен уехать из Штатов, одно из первых приглашений пришло оттуда. Именно тогда мама сдалась.

– Оксфорд я вспоминаю часто. Сам знаешь, чему учат в наших школах. О том, что происходит за пределами Америки, я имел смутное представление. В Оксфорде поразило множество студентов-иностранцев. Были и выходцы из стран Европы, которых на карте уже не найдешь.

– Остальной мир у нас мало кого интересовал. У тебя была литература, у меня – электроника. А у большинства вообще ничего не было.

– Я открывал Европу по книгам. Реальность оказалась иной. Но такого я и представить не мог.

– Сел на своего конька, профессор!

Пит понимал, Алексу надо дать выговориться.

– Не ерничай, лучше послушай. В Оксфорде я почувствовал себя неучем. Белой вороной быть не хотелось. Решил взять курс современной истории, но не пришлось. Повезло с тьютором – наставником, из тех, которые там опекают школьников. Дэвид Блэкхилл был всего на десять лет старше, но для меня он стал воплощением образованности, мудрости и вообще совершенства. Казалось, он знает все на свете. Дэвид научил меня учиться, познавая мир, не предлагал готовых решений. Я старался смотреть на все его глазами. Через пару семестров уже мог бы выступать на семинаре. Новейшая история Европы оказалась даже не драмой, а трагическим эпосом.

– Тебе повезло. В Монреале у нас были классные профессора, но за рамки предмета они не выходили. Такой тьютор и мне бы не помешал. Рядом с тобой я чувствую себя, как когда-то ты рядом со своим опекуном.

– Только благодаря Дэвиду я смог понять, что произошло с Европой.

– И что же с ней стряслось?

– Шуткам здесь не место. Европейцы, как и мы, наступили на грабли толерантности. Тебе это интересно?

– Да. Хотя, честно говоря, я привык принимать мир таким, как есть, особо не заморачиваясь. Если бы не твой чудовищный приговор, я и теперешнюю Америку считал бы лишь затейливым зигзагом цивилизации. Каждый по-своему с ума сходит. Кто знает, как оно должно быть? Кому дано право судить?

– Меня-то они судили. Ты – настоящий американец – «свобода превыше всего». И я так считал. Но, присягая демократии, провозглашая свободу, нельзя терять голову, чувство меры. Звучит, в самом деле, странно – мера демократии, мера свободы. Европейцы тоже, наверное, так думали. Но, утратив чувство меры, они похоронили и свободу, и демократию, и свою Европу. Откуда сердобольным либералам было знать, что гуманизм и человеческое сострадание способны сыграть с ними злую шутку?

– Ты, я вижу, в форме. Значит, и человеческая доброта – не такое уж добро?

– Все сложнее. Толерантность – палка о двух концах. Это не только способность понимать чужую боль, страдания, проявлять терпимость к чужим обычаям, взглядам, образу жизни. Есть у нее и обратная сторона. Это готовность, помогая несчастным, самим страдать, обрекая на страдания других, включая своих близких. Одно из значений латинского слова *tolerantia* – «добровольное перенесение страданий». Запредельная толерантность требует жертв, и ими становятся сами благодетели.

– Мудрено.

– Да, непросто. В Европе все началось давно. Поначалу ей самой нужна была молодежь из стран третьего мира. Дешевая рабсила, в первую очередь, для непрестижных занятий. К тому же, в конце прошлого века было отмечено заметное старение населения. А если в средней семье меньше двух детей, у народа нет шансов даже на простое воспроизводство. Это арифметика. В начале нашего столетия самая высокая рождаемость была во Франции – 1,8 ребенка на семью. Для всей Европы она едва превышала 1,3. К середине века работающие европейцы не смогли бы содержать пенсионеров. Но молодые всегда хотели жить в свое удовольствие, а с детьми это сложнее, и заводить их не спешили. Настало время, когда с этим что-то нужно было делать.

– Откуда ты все это знаешь? Это все твой тьютор? Допустим. А здесь кто будет стариков кормить?

– Да, будущих кормильцев растет маловато. Пока ехал сю-

да, детей почти не видел.

– Откуда им браться?! – Пит невольно повысил голос.

– Не шуми, – Алекс кивнул в сторону соседней компании, – Ты-то ведь и сам не женат.

– А на ком? Может, на нем жениться? – Пит указал глазами на смазливого бармена и продолжил уже заметно тише, – у нас, конечно, не Европа, но и без мусульман правоверных хватает. То ли еще будет.

– Извини, не хотел тебя обидеть. Лучше вернемся в Европу. Обойтись без мигрантов она уже не могла. Сначала их завлекали по-всякому, количество переселенцев росло медленно и беспокойства не вызывало. Все думали, что они ассимилируются, примут европейские обычаи, традиции, культуру. Скептиков не слушали. Численность населения даже подросла, но, правда, исключительно за счет приезжих. Рождаемость у восточных народов высокая, и скоро в крупных городах Франции половину жителей в возрасте до 20 лет составляли мусульмане. Ситуация сложилась патовая, точку возврата уже прошли.

– И никто не заметил?

– Заметили, но хватало и других проблем.

– Ты, я вижу, в теме и до сих пор ничего не забыл. Столько лет прошло.

– Это заслуга Дэвида. Он всегда жил в Англии, но Европа, похоже, его болевая точка. Обо всем рассказывал спокойно, но я видел, что судьбу ее он воспринимает не как сторонний

наблюдатель. Его без преувеличения научный анализ помог мне понять и оценить глубину ее трагедии. Разве такое забудешь?

– И это Европа – колыбель нашей цивилизации?! Но что-то можно было сделать?

– Не знаю. Ситуация обострилась с первой волной массовой миграции в 2015 году. Бесконечные войны и перевороты превратили Северную Африку и Ближний и Средний Восток в полыхающий регион, а жизнь миллионов людей – в кошмар. Огромные территории оказались под контролем исламских радикалов, террористов всех мастей. Миллионы несчастных, потерявших жилье и средства к существованию, считали виновниками своих бед Соединенные Штаты, по чьим сценариям свершались кровавые перевороты, и их европейских союзников. Люди хлынули в Европу. Больше бежать было некуда.

– Может, не стоило их пускать, не искать на свою голову приключений?

– Не пускать? А как? А толерантность? Можно ли думать о своих гипотетических проблемах, когда уже страдают и нуждаются в помощи миллионы? Чужой беды не бывает. Победила толерантность-сострадание, а свои страдания еще не начались. Да и единства в этом вопросе, как и во многих других, в странах Европейского Союза не было.

– Толерантность – звучит красиво. Но кто-то должен был задуматься!

– Тех, кто сомневался, пробовал протестовать, старались не слышать. Дальше – больше. Несчастные беженцы добирались до Европы единственным доступным путем через Средиземное море. Забирая у них последние деньги, ловкие дельцы грузили беспомощных людей на все, что могло держаться на воде – ветхие суденышки, надувные лодки, самодельные плоты. Для многих это рискованное путешествие стало последним в жизни. Кого-то спасали у европейских берегов пограничные службы. Это была морская трагедия, подобной которой мир не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.